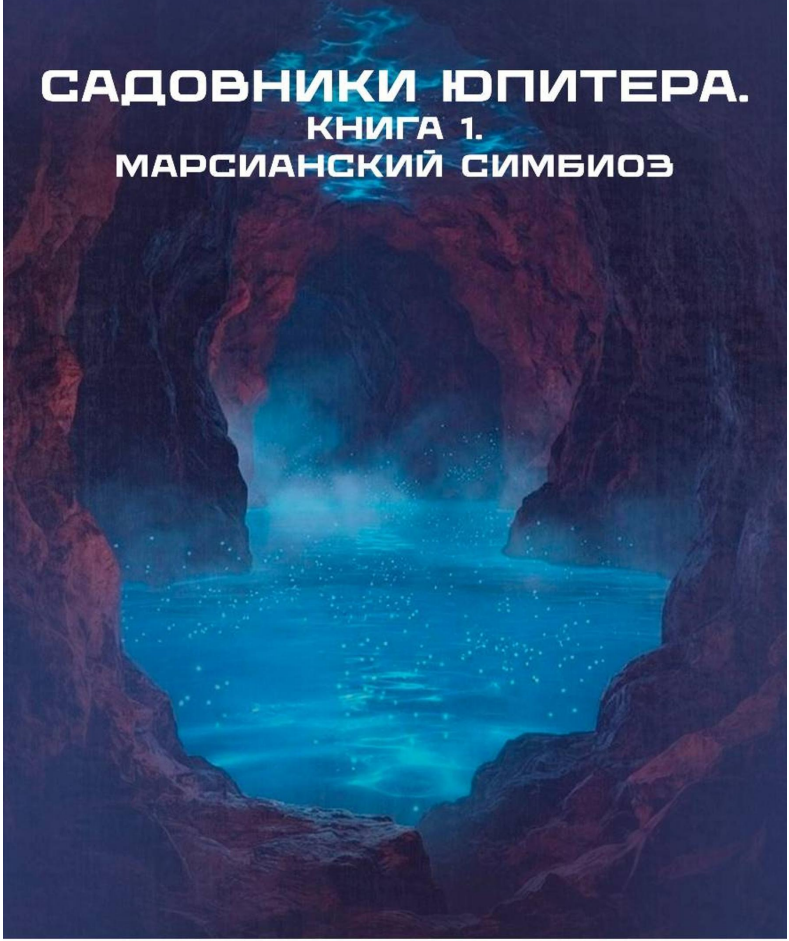
ЗАСЛОН × Литрес

Минпромторг России

ИНЖЕНЕРЫ СЛОВА

САДОВНИКИ ЮПИТЕРА.
КНИГА 1.
МАРСИАНСКИЙ СИМБИОЗ

Марк Вольф

Садовники Юпитера. Книга 1. Марсианский симбиоз

https://litres.ru/73952464
SelfPub; 2026

Аннотация

2061 год, Марс. Космонавт Юра — единственный свидетель того, что Красная планета не мертва. Под толщей базальта он находит тёплое озеро с светящимися водорослями и слепыми клешненосцами. Древний вирус встраивается в его ДНК, даря регенерацию и биолюминесценцию. Спасая ксенобиолога Элис, Юра передаёт ей «дар Марса». Их симбиоз обретает приватный канал — возможность обмениваться образами без слов.

Когда корпорации посылают карательную эскадру, беглецы уходят в атмосферу Юпитера, превращая враждебный мир в цветущий сад распределённого разума.

Марк Вольф
Садовники Юпитера. Книга 1. Марсианский симбиоз

Солнечная система. Вблизи планеты Марс, апрель 2061 года.

Гриф: Миссия «Прометей-7». Допуск: абсолютный ноль. Экипаж: 1.

Выход на орбиту Земли взлётно-посадочного комплекса «Горн» прошёл штатно — если можно так выразиться о секундах, когда за спиной одновременно сгорают пять миллионов литров жидкого кислорода и метана, а грудную клетку вдавливает в позвоночник с силой, которую не передать никакими тренажёрами на поверхности планеты. Через сорок минут после отсечки маршевых двигателей, когда корабль ещё висел над ночной стороной Атлантики, я выполнил последний обязательный сеанс связи — кодированный пакет телеметрии, упакованный в микросекундный всплеск. Ответом была предписанная тишина. С этого момента ВПК «Горн» и ждущий на орбите Земли для стыковки новейший термоядерный буксир «Гефест» и всё, что на нём находится, перестало существовать для внешнего мира. Я нажал тумблер физического отключения передатчиков — не программного, именно физического разрыва цепей, как то-

го требовал протокол. Тишина стала абсолютной не только снаружи, но и внутри контура дальней связи. Теперь мой корабль — это стальной гроб, летящий сквозь пустоту без права голоса, и я единственная живая душа на его борту.

Полтора месяца я плыл в этой тишине, и единственным звуком, доступным моему уху, оставался ровный, почти неслышный гул системы вентиляции — белый шум, ставший синонимом одиночества, которое больше не с кем разделить. Один человек на борту — так было задумано. Не просто минимальный экипаж, а принципиальное условие: чем меньше свидетелей, тем выше секретность. Я сам вызвался, ещё когда «Прометей-7» существовал лишь в виде папки с грифом «особой важности». Тогда одиночество казалось абстракцией, романтической жертвой. Теперь оно измерялось гулом вентиляции и числом ударов сердца в минуту.

Мне говорили на инструктаже, что Марс встретит меня тишиной. Не обманули. Тишина началась сразу. Когда буксир лёг на баллистическую траекторию, я впервые услышал, как звучит моё собственное сердце — не как стук, а как тугое, влажное эхо в заполненных жидкостью полостях. Центрифуга ещё не вращалась, я находился в невесомости; первые двое суток привыкал к тому, что вещи не падают, а внутренности словно подвешены внутри тела на резиновых жгутах. Тогда я ещё помнил, что где-то позади, за кормой, осталась Земля, на которой живут люди — смеются, спорят, смотрят друг другу в глаза. Теперь это воспоминание по-

блекло. Здесь есть только я, и больше никого.

На третьи сутки, согласно автономной программе, запустилось вращение жилого модуля. Два противовеса на композитных фермах разошлись в стороны, и вся конструкция начала медленно закручиваться вокруг меня — единственного пассажира, единственного оператора, единственного пациента. Я стоял в рубке, прижавшись спиной к стене, и ждал, пока искусственная гравитация вернёт телу хоть какое-то подобие веса. Когда барабан вышел на расчётные два с половиной оборота, я сделал первый осторожный шаг — и чуть не упал: сила Кориолиса предательски увела пол вправо. Раньше, в учебных симуляциях, рядом был инструктор. Теперь я ударил кулаком по переборке — звук вышел глухим, никому не адресованным, и я вдруг осознал, что на всём корабле этот звук слышал только я.

Первая неполадка обнаружила себя на двенадцатый день. Система регенерации воды выдала жёлтый код: мембрана обратного осмоса потеряла тридцать процентов производительности. Резервной мембраны не предусматривалось. Я вскрыл панель и увидел волосяную трещину в полимерном слое, через которую вода уходила в обводной контур. Раньше, в обычном полёте, я запросил бы рекомендации, и ЦУП прислал бы ответ. Сейчас запрашивать было некого — вся команда поддержки осталась за одиннадцатью световыми минутами молчания, и даже если бы я мог кричать, меня бы не услышали. Я сам перевёл систему в цикл двойной очист-

ки, сам рассчитал баланс энергопотребления, сам ввёл нормирование воды: полтора литра в сутки на питьё, пол-литра на гигиену. Через пять дней трещина расширилась ещё на пять процентов. Я молча задокументировал отказ в бортовом журнале, зная, что эти записи, возможно, не прочтёт никто и никогда. Кожа на ладонях высохла и потрескалась; я смазывал её техническим силиконом и пах смазкой, как старый механизм, который обслуживает сам себя.

Потом была вспышка на Солнце. Семнадцатый день. Датчики радиации взвыли без предупреждения — я не мог получить оповещение от земных гелиофизиков, потому что антенны молчали. Жёсткий рентген класса X5, поток протонов шёл прямо на корабль, и у меня не было даже нескольких секунд форы: рентгеновское излучение пришло одновременно со светом, мгновенно, как расстрел. Я бросился в «штормовое убежище» — тесный отсек, обложенный баками с водой и полиэтиленом. Забился туда один, обхватив колени, и слушал, как пощёлкивает счётчик Гейгера. Три с половиной часа в полной темноте. Если бы поток убил меня, никто на Земле не узнал бы об этом до того момента, пока «Гефест» по баллистике не вышел бы на орбиту Марса и не начал передавать аварийный маяк — но протокол «Прометей-7» запрещал активацию маяка в любой ситуации, кроме успешной посадки. Мёртвый корабль с единственным мёртвым пилотом так бы и кружил вокруг красной планеты вечным молчаливым памятником. Когда вспышка схлынула, накоплен-

ная доза на сорок процентов превысила месячную норму, но осталась ниже критической. Я сделал отметку в медицинском файле, который веду сам себе, и продолжил полёт.

Двадцатые сутки я почти не помню — они слились в монотонный ритм. Чтобы не сойти с ума, я начал наговаривать этот дневник в самописец. Мой голос, записанный и проигранный, звучал чужим — глухим, механическим. Единственный собеседник, которого я мог себе позволить, это я сам. Иногда я ловил себя на том, что разговариваю с кораблём как с живым существом — называю его по имени, спрашиваю совета, — и резко обрывал фразу, испугавшись, что это первый шаг к той черте, за которой кончается инструкция. Но кого мне бояться? Здесь нет психолога, который поставит диагноз. Здесь вообще никого нет.

На двадцать третий день ночью отказало программное обеспечение энергораспределения. Компьютер неверно интерпретировал сигнал термодатчика контура охлаждения реактора и выдал команду на остановку главного насоса. Реактор ушёл в пассивную безопасность, автоматически заглушившись. Я проснулся от нарастающей, неестественной тишины — исчез привычный гул насосов, температура в литиевом контуре начала медленно ползти вниз. Если она упадёт ниже ста восьмидесяти градусов, литий застынет намертво, и перезапустить реактор будет почти невозможно. Центрифуга ещё вращалась по инерции, но жилой модуль уже остывал. Я запустил резервный насос вручную, обходя автомати-

ку. Реактор ожил через восемнадцать минут. Никто на Земле не узнал, что я был на грани. Никто не узнает, если подобное повторится. Именно в этот момент я впервые по-настоящему осознал, что я не просто пилот, инженер, геолог и врач в одном лице — я единственный бог этой маленькой вселенной, и моя смерть останется незамеченной до тех пор, пока марсианские пески не примут спускаемый модуль в положенный срок. Только тогда, при активации радиомаяка, Земля поймёт: миссия достигла цели. Или не поймёт ничего.

На тридцатые сутки — первый выход в открытый космос. Микрометеорит, песчинка, пробил внешний слой экранно-вакуумной изоляции радиаторной панели. Утечки теплоносителя не было, но тепловой баланс смещался. Я облачился в скафандр, провёл час на продувке шлюза и вышел наружу — совершенно один в бесконечной чёрной пустоте. Солнце ударило в остекление шлема — яркое, беспощадное. Буксир висел чёрной глыбой, опутанной фермами. Где-то внизу, уже различимый невооружённым глазом, краснел Марс. Я двигался медленно, цепляясь карабинами, и каждый шаг отдавался гулом в костях. Нашёл оплавленное отверстие, наложил композитную заплату. Вернувшись в шлюз и стянув перчатки, увидел белые от холода пальцы с пульсирующей болью под ногтями. Скафандр не обогревался равномерно — дефект, известный ещё по земным испытаниям, который должен был быть устранён. Но отчитываться было не перед кем, и я просто зафиксировал факт в журнале неисправно-

стей. Один экземпляр. Одна подпись. Моя.

А на сороковой день отказал гироскоп. Центрифуга дрогнула, загудела на низкой, утробной ноте, и весь жилой модуль пронизала крупная дрожь. Если бы у меня была связь, я бы кричал в эфир. Но эфир был мёртв, как и всё, что окружало корабль. Я провёл шесть часов в скафандре, вскрывая панель доступа между обшивкой и жилым отсеком. Болт крепления демпфера ослаб от вибрации — техники, монтировавшие блок на секретной верфи, то ли не нанесли фиксатор резьбы, то ли нарушили момент затяжки. Я заменил его, чувствуя, как пот заливает глаза, а пальцы в перчатках двигаются медленно, словно в сиропе. Потом ещё два дня проверял телеметрию на единственном работающем терминале, прежде чем снова включить вращение. Раньше, до того, как я стал призраком, я отправил бы отчёт и через одиннадцать минут получил бы ответ. Теперь не было ни одиннадцати минут, ни ответа — только пропасть абсолютного молчания, в которую навсегда проваливаются любые слова. И я один на краю этой пропасти.

Сорок пятый день принёс боль. Я проснулся от тупой, растущей пульсации в правой челюсти — воспалился нерв под старой пломбой. В медицинском модуле лежал набор стоматологических инструментов и ампулы с лидокаином, рассчитанные на одного пользователя. Я пять часов сидел перед зеркалом в крошечном санузле, пытаясь удержать иглу непослушными руками в условиях пониженной гравитации

и остаточной вибрации. Никто не держал меня за плечо, никто не говорил «спокойно, всё получится». Боль ушла, оставив звенящую пустоту и горький привкус. Я поставил временную пломбу и понял, что, если зуб разрушится окончательно, мне придётся удалять его самому — без советов, без трансляции на Землю, без надежды на эвакуацию. Одна эта мысль заставила скулу снова заныть, но я заставил себя дышать ровно. Одиночество, оказывается, имеет привкус лидокаина и собственной крови.

После пятидесятого дня начались звуковые фантомы. Я слышал шаги в соседнем отсеке, обрывки разговора, однажды — женский смех. Мозг, лишённый внешних стимулов и присутствия другого человека, порождал собеседников из тишины. Я знал медицинскую подоплёку, но знание не делало фантомы менее реальными. Я ловил себя на том, что оборачиваюсь на шорох, и каждый раз видел пустой коридор. Тогда я начал говорить вслух — не в самописец, а просто в воздух. Рассказывал кораблю о своём детстве, о том, почему согласился на одиночную миссию, о том, что секретность делает смерть не героической, а просто неудобной для статистики. Корабль слушал молча, и в этом молчании я чувствовал единственное доступное мне понимание — холодное, стальное, равнодушное.

Сегодня пятьдесят третий день. Марс уже огромен — заполнил обзорные иллюминаторы. Я различаю Великие Равнины, каньоны Маринера, полярную шапку. «Горн» прошёл

вчера предполётное тестирование в автономном режиме, все системы в норме, кроме одного датчика давления в кабине — расхождение в полпроцента укладывается в допуск, но царапает нервы. Через тридцать часов начнётся торможение, потом отделение, потом вход в атмосферу. Я знаю, что самое трудное впереди.

Особенно я вглядывался в южный край равнины Эллада, где орбитальные радары нащупали подземную пустоту — извилистую трубу, уходящую вглубь на сотни метров. Лавовый туннель, современник давно потухших вулканов, обещал то, чего не мог дать ни один металлический модуль: надёжную защиту от радиации. Ради этой тёмной щели в базальте миссия и была спланирована именно сюда. Туннель был целью — единственной точкой на карте, к которой я летел пятьдесят три дня в абсолютной, предписанной протоколом тишине.

Торможение началось в расчётное время. Автоматика отработала серию импульсов, и невесомость вернулась, мягко подхватив моё тело. Искусственный интеллект «Горна» отключил окончательно центрифугу. Гул, с которым я сжился за эти недели, сменился звенящей пустотой. Теперь «Горн» снова был просто консервной банкой, падающей в гравитационный колодец. Я перебрался из жилого модуля буксира в посадочную кабину, задёрнул люк, проверил герметичность. За моей спиной остался «Гефест». Протокол «Прометей-7» не предусматривал свидетелей ни на борту, ни на орбите.

Отделение прошло по команде с задержкой в долю секунды — пироболты сработали синхронно, и меня мягко оттолкнуло от буксира. Двигатели «Горна» выдали короткий тормозной импульс, и носовая часть начала разворачиваться к поверхности. За бортом мелькали беззвучные вспышки корректирующих двигателей. Вибрация отдавалась в зубах — та самая, недавно залеченная скула отозвалась тупым нытьём. Я лежал в ложементе, пристёгнутый ремнями, и смотрел на показатели альтиметра, скорости, температуры теплового щита. Цель была там, внизу: плоская каменистая равнина перед невысокой грядой, в основании которой, если верить радарам, открывался вход в туннель.

А потом начался вход в атмосферу. Плазма за иллюминаторами превратила небо в оранжево-белое марево. Комплекс трясло так, что на мгновение потемнело в глазах — и я вспомнил тот самый болт крепления демпфера, который едва не угробил центрифугу на сороковой день. Тогда меня спасла только собственная способность работать в скафандре наощупь. Сейчас я мог лишь лежать и ждать, пока металл и композит вокруг меня выдерживают температуры, при которых плавится сталь. Если перегрузка превысит допустимый порог, сработает аварийный сброс, капсула уйдёт на эллиптическую орбиту, миссия будет провалена. Я — единственный, кто может это остановить, но я бессилен. Автоматика молчала. Значит, всё в пределах нормы. Значит, я всё ещё жив.

Тряска прекратилась. Хлопок — и над головой распустились сверхзвуковые парашюты. Сначала вытяжной, потом основной, гигантский, разрисованный оранжевыми и белыми полосами. Рывок был сильным, но ожидаемым. Тело помнило каждую тренировку, но тренировка — это не реальность. Реальность — это когда ты один, и никто не дублирует команды, никто не подстрахует. Комплекс раскачивался на стропах, снижаясь над равниной, где воздух был чуть плотнее, чем где-либо ещё на Марсе, — лишние метры торможения, лишние доли процента безопасности, которые инженеры считали с маниакальной тщательностью. Я вспомнил тех техников на секретной верфи, которые, возможно, недотянули тот проклятый болт. Здесь, в эти секунды, я молился, чтобы они не ошиблись в расчётах парашютной системы.

На высоте ста метров включились посадочные двигатели. Я не видел их, но чувствовал, как вибрация меняет тональность, как корабль на мгновение зависает и затем мягко, почти нежно, касается грунта. Толчок. Ещё один — меньше. Тишина.

Я выждал минуту, две, три. Автоматика провела серию проверок: герметичность, давление, радиационный фон, химический состав атмосферы за бортом. Всё чисто. Тогда я отстегнул ремни и сел. Сердце колотилось где-то в горле. Во рту пересохло — система регенерации воды всё ещё работала в экономном режиме, и я снова ощутил на губах тот самый металлический привкус, что преследовал меня после

зубной боли на сорок пятый день. В ушах звенело, и этот звон был громче всего, что я слышал за последние пятьдесят три дня — громче гула отказавшего гироскопа, громче щелчков счётчика Гейгера во время солнечной вспышки, громче даже собственного голоса, записанного в самописец.

Я протянул руку к пульту связи. Протокол «Прометей-7» молчал пятьдесят три дня, но теперь, после касания марсианского грунта, он разрешал нарушить радиомолчание. Не для разговора — для короткого, как укол, сеанса. Я включил аварийный маяк и передатчик телеметрии. Зелёный индикатор подтвердил: кодированный пакет ушёл. Где-то там, в одиннадцати световых минутах отсюда, через шестьсот с лишним секунд антенны ЦУПа зарегистрируют сигнал. Ответ не был гарантирован — «Прометей-7» оставался улицей с односторонним движением, — но теперь хотя бы на Земле узнают, что «Горн» сел. Что я жив. Один.

Потом я встал. Тридцать восемь процентов земной гравитации — тело казалось лёгким, шаги пружинистыми. Подошёл к иллюминатору. Передо мной расстилалась каменистая равнина, убегающая к невысокой гряде. У её подножия, в тени базальтового уступа, чернел провал — лавовый туннель. Ради него я летел сквозь вспышки, радиацию, боль и тишину. До него было около ста метров.

Скафандр надевался медленно и привычно — каждое движение отработано сотни раз на Земле. Щелчки пряжек, шипение подачи кислорода, мягкий щелчок гермошлема. Я

проверил перчатки — те самые, в которых шесть часов менял болт гироскопа, чувствуя, как пот заливает глаза. Забрало, систему терморегуляции, которая барахлила ещё при выходе в открытый космос на тридцатые сутки. Затем медленно, почти торжественно, открыл внутренний люк и перешёл в шлюзовую камеру.

Насосы выкачали воздух. Внешний люк открылся.

Марс встретил меня светом — слабым, бледно-жёлтым, но всё же светом. Небо было не чёрным, как на Луне, а коричневато-розовым от вездесущей пыли. Горизонт изгибался чуть заметнее, чем на Земле, — планета была меньше, её кривизна выдавала себя. Под ногами хрустел грунт: смесь базальта, окислов железа и бесконечно мелкой пыли, похожей на тальк. Я спустился по короткой лестнице и остановился. Сделать первый шаг оказалось труднее, чем пролететь все километры космической пустоты. Нога коснулась поверхности. След остался чёткий, глубокий — гравитация здесь составляла чуть больше трети земной, но грунт был податлив, как влажный песок. Я замер, выпрямился и наконец поднял взгляд туда, куда стремился все эти месяцы.

В сотне метров к востоку равнина обрывалась невысоким уступом. У его основания, словно приоткрытая дверь в подземный мир, зиял провал — вход в лавовый туннель. Он был метров десяти в поперечнике, неправильной, слегка сплюснутой формы, возникший миллиарды лет назад, когда поток расплавленной породы прожёг себе путь, а затем вытек, оста-

вив пустую оболочку. Сейчас этот провал чернел абсолютной, безлунной темнотой, и даже слабый свет далёкого солнца, казалось, не проникал внутрь дальше нескольких шагов. Контраст с яркой, ржавой поверхностью был резким, почти пугающим.

Я долго стоял и смотрел. Этот туннель значил больше, чем просто геологический курьёз. Радиационный фон на поверхности Марса в десятки раз превышал земной, и каждый час, проведённый снаружи, накапливал невидимый ущерб. Толстая броня «Горна» спасала лишь отчасти. Но там, под базальтовым сводом, толща камня намертво перекрывала потоки заряженных частиц. Туннель был не просто укрытием — он был ключом к выживанию. Первым камнем в фундаменте будущей базы.

Я заставил себя не пойти туда сразу. Без разведки, без предварительного сканирования, без подготовки это было бы безрассудством. Вместо этого я развернулся и методично приступил к первоочередным задачам.

Через час после посадки высокоэффективные перовскитные солнечные панели в тандеме с кремнием были развёрнуты, и показатели зарядки аккумуляторов быстро поползли вверх. Через два часа я установил первую пробную геологическую скважину, пробурив несколько сантиметров рыхлого реголита.

Остаток дня я провёл, готовя оборудование для первой вылазки в туннель. Лидарный сканер — компактный, похо-

жий на ручной фонарь, но способный рисовать трёхмерную карту пустот за считанные минуты — я закрепил на грудном креплении скафандра. Переносной источник света, мощный светодиодный прожектор на телескопической штанге, положил у края рампы вместе с аккумуляторным блоком. Моток кабель-трассы — оптоволокно, упакованное в кевларовую оболочку, с тонкой жилой для подачи энергии, — занял отдельный контейнер; эта нить протянется от шлюза «Горна» до самого входа, а потом и дальше, чтобы связь и телеметрия не терялись в базальтовой толще. Я проверял каждый инструмент дважды, иногда трижды, ловя себя на том, что движения становятся механическими, заученными, как те сотни тренировок на Земле — только теперь за спиной не было инструктора, и цена ошибки измерялась не баллами, а жизнью.

Пока я работал, солнце медленно ползло к горизонту. Тени от камней вытянулись, стали синими, почти чернильными, а небо приобрело тот удивительный оттенок сиреневого с прозеленью, какой бывает только на Марсе — атмосфера слишком тонка, чтобы рассеивать свет, но пыль делает своё дело. Температура снаружи уже упала до минус шестидесяти, и я ощущал холод даже через подошвы ботинок, хотя система терморегуляции скафандра пока справлялась.

Дважды я ловил себя на том, что снова и снова оборачиваюсь к провалу. Чёрный зёв туннеля никуда не делся, он так же неподвижно чернел у подножия базальтового уступа.

Простая мысль, почти детская, не желала уходить: там, внутри, нет ветра, нет пыли, нет космических лучей. Там — будущее. Там можно снять шлем. Там можно дышать воздухом, который когда-нибудь будет не из баллонов. Я вспомнил, как на семнадцатый день полёта скорчился в «штормовом убежище», обхватив колени, и слушал щелчки счётчика Гейгера — тогда я был полностью открыт удару случайной частицы, как и сейчас на поверхности. А там, под толщей камня, радиационный фон упадёт почти до нуля, до уровня земных подвалов. Одно это стоило всего полёта.

Когда солнце окончательно село, и равнина погрузилась в стремительные марсианские сумерки, я задраил внешний люк, прошёл шлюзование и стянул скафандр. Внутри жилого модуля ВПК «Горн» работали насосы, регенерируя воздух, и этот привычный гул теперь казался почти родным — он напоминал мне белый шум корабельной вентиляции, что сопровождал меня пятьдесят три дня. Я разогрел ужин — всё те же тубы, безвкусная паста с витаминами, но хотя бы горячая. Ел медленно, глядя на монитор с телеметрией: заряд батарей подходил к девяноста процентам, перовскитные панели прекратили генерацию, но завтра снова оживут. Метеосводка с марсианской орбитальной группировки обещала спокойный день, без пылевых бурь. Хорошо.

Ночью я почти не спал. Лежал в гамаке, пристёгнутый ремнями, чтобы не взлететь от случайного движения во сне — тридцать восемь процентов земной гравитации всё ещё

непривычны телу, привыкшему к центрифуге. Снаружи медленно остывал грунт; внешние датчики показывали минус восемьдесят, и тишина стояла такая, что я слышал собственное сердце. Где-то глубоко подо мной, в базальтовой трубе, застывшей от вечности, стоял мрак, которого ещё не касался ни один фотон от искусственного источника. Этот мрак ждал. И завтра я в него войду.

Я перебирал в уме список того, что может пойти не так. Обвал? Лавовые туннели на Марсе стабильнее земных, но всё же. Отказ источника света? У меня есть резервный налобный фонарь. Потеря связи? Кабель-трасса должна держать сигнал, но если порвётся, у меня есть автономный ретранслятор. Что-то неизвестное? Именно неизвестное и тревожило больше всего. Миссия «Прометей-7» была секретной не только потому, что мы прятались от чужих глаз. В брифинге перед стартом проскальзывали фразы о «дополнительных целях» и «геологических аномалиях», которые радары не могли объяснить. Но мне, пилоту, инженеру и единственному исполнителю, не сказали всего. Или сказали ровно столько, чтобы я не отказался.

Я снова вспомнил женский смех, который слышал на пятидесятый день полёта — слуховую галлюцинацию, рождённую одиночеством. Здесь, на поверхности, фантомы исчезли, но что, если в туннеле они вернутся? Что, если темнота и замкнутое пространство снова запустят механизмы, которые я с таким трудом задавил? Я заставил себя дышать медлен-

но. Паники не было. Был холодный, расчётливый страх — тот самый, что помогает выжить.

На четвёртый день после посадки я позволил себе впервые заснуть по-настоящему. Не урывками, не в полглаза, пристёгнутым к гамаку и готовым вскочить по сигналу тревоги, а глубоко, до звона в ушах. Пробуждение, однако, вышло скомканным: тело ещё помнило каждую секунду перегрузок, и стоило пошевелиться, как мышцы отозвались тупой, ноющей болью. Полтора месяца микрогравитации сделали своё дело — даже марсианские тридцать восемь процентов земной тяжести ощущались так, словно на плечах удерживал штангу.

Я сел на край ложемента и несколько минут просто дышал, глядя на серую стену жилого модуля. За ней, в сотне метров, по-прежнему зиял провал лавового туннеля. Он ждал. И сегодня ему придётся подождать ещё немного. Сперва нужно было запустить реактор.

Солнечные панели, которые я развернул в первый день, давали достаточно энергии для базовых систем, но для буровых работ, для полноценного обогрева модуля и для будущей базы их мощности не хватило бы. Зато хватило бы «Сварога». Я даже позволил себе мысленно усмехнуться: кто бы мог подумать, что на Красную планету меня будет сопровождать ядерное сердце, прототип которого собрали 50 лет назад.

Реакторный модуль находился в специальном отсеке, от-

делённом от жилого пространства дополнительным слоем радиационной защиты. Я откинул люк и впервые за много месяцев увидел сам реактор не на схеме и не в симуляторе, а вживую.

«Сварог» был невелик, но производил впечатление. Цилиндрический корпус из матового металла, около двух метров в высоту и чуть меньше метра в поперечнике, покоился на массивной раме, окружённый лабиринтом трубопроводов и кабельных трасс. Ребристая поверхность корпуса, где находились термоэмиссионные преобразователи, тускло поблёскивала в аварийном освещении. Никаких лишних деталей, никакого декора — лишь сосредоточенная инженерная мысль, воплощённая в металле.

Я обошёл установку. Активная зона была размещена в центре, окружённая тепловыделяющими элементами на высокообогащённом диоксиде урана. Замедлитель отсутствовал, реактор работал на быстрых нейтронах. Теплоноситель — гелий-ксеноновая смесь — инертный газ, который должен циркулировать бесшумно, от активной зоны к турбомашинному преобразователю.

Мощность, по проектной документации, составляла две тысячи электрических киловатт. В пять раз больше, чем требовалось для жизнеобеспечения модуля. Остальное уйдёт в рост — на освещение туннеля, на обогрев, на регенерацию воды и, главное, на плазменные и лазерные резаки, который ещё предстояло смонтировать.

Процедура запуска была автоматической. Я сверился с сенсорным планшетом и просто нажал пиктограмму «Пуск реактора», началась проверка систем охлаждения. Давление в магистралях находилось в норме, давление теплоносителя не опускался ниже допустимого параметра. Следом развернулись панели сброса избыточного тепла наружу — без них реактор перегрелся бы за несколько минут.

Затем низкий, утробный гул прокатился по корпусу модуля, вибрация мягко передалась через пол, через подошвы ботинок скафандра, дошла до самых костей. На главном экране побежали столбцы данных: температура в активной зоне, мощность дозы, давление в контуре теплоносителя. Цифры менялись быстро, но плавно — именно так, как и должны. Преобразователь, работающий по принципу высокооборотного электрического генератора, начал выдавать ток. Показатель электрической мощности пополз вверх: 500 кВт, 800, 1200... Стабилизация наступила на отметке 1950 киловатт — чуть ниже проектной, но в пределах допустимого.

Я стоял перед консолью, не решаясь шелохнуться, пока автоматика не подтвердила: контур охлаждения функционирует, сброс тепла в норме, радиационный фон внутри жилого отсека на три порядка ниже предельно допустимого. Я выдохнул с облегчением, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает плечи. Внутри корабля теперь билось настоящее, горячее сердце, способное питать будущую колонию долгие годы. Я положил руку на холодный металл переборки, за ко-

торой гудел реактор, и на мгновение закрыл глаза. Теперь мы точно не умрём от холода и темноты.

Когда показания приборов окончательно стабилизировались, я позволил себе улыбнуться. Позади были миллионы километров, отказ гироскопа, адская тряска при посадке. Впереди — тьма лавового туннеля и непочатый край работы. Но теперь у меня есть свет, тепло и энергия. И с этой мыслью я открыл люк в сторону туннеля, чтобы начать первый осмотр с оборудованием в руках.

Реактор гудел. Я слышал его не ушами — ушами там было нечего ловить, звук гасился переборками, — а телом, через вибрацию, поселившуюся в костях и не отпускавшую меня даже во сне. За трое суток, прошедших с момента запуска, «Сварог» ни разу не дал сбоя. Температура теплоносителя держалась ровно, мощность не плавала, автоматика молчала, и это молчание было красноречивее любых отчётов. Я знал: если что-то пойдёт не так, сирена взвоет раньше, чем я успею испугаться. Но сирена не выла. Реактор делал своё дело.

Я стоял у люка и в сотый раз перебирал в уме порядок действий. За спиной, в жилом модуле, горел ровный искусственный свет, гудели насосы регенерации, и всё дышало почти домашним теплом — иллюзия уюта, которую я сам себе построил. А впереди, за внешним шлюзом, начиналась территория, где не было ничего моего. Только Марс. Только тьма.

Первый осмотр туннеля требовал подготовки не столько

технической, сколько психологической. Я знал, что лавовая труба уходит вглубь минимум на триста метров, и радарные снимки с орбиты обещали высокий, до пятнадцати метров, свод и достаточно ровный пол. Но одно дело — безликие контуры на экране, и совсем другое — шагнуть в эту черноту самому, чувствуя, как свет за спиной сжимается в точку, а впереди разверзается неизвестность.

Утро — если можно назвать утром момент, когда электронные часы показали шесть ноль-ноль по Екатеринбургу, новой столице России, — я начал с проверки плазменного резака. Инструмент был смонтирован на мобильной платформе, которую ещё предстояло опробовать в деле. В отличие от ручных моделей, этот резак был рассчитан на резку базальта в промышленных масштабах. Плазмотрон с системой стабилизации дуги, охлаждаемый жидким азотом, подключался к силовому кабелю, который я уже протянул от распределительного щита «Сварога». Вся конструкция напоминала небольшую пушку, установленную на гусеничной тележке с дистанционным управлением. В земных условиях такая штука весила бы под тонну. Здесь, на Марсе, она была легче 2,6 раза, но всё равно оставалась самой массивной частью моего оборудования после реактора.

Я проверил подачу газа — смесь аргона с водородом, баллоны закреплены на корме модуля. Давление в магистралях — в норме. Электрический кабель заземлён. Сопло резака чистое, без следов нагара или окисления. В камере сгорания

— остаточный вакуум, что для Марса скорее плюс: меньше примесей, мешающих плазме. Включил тестовый прожиг на малой мощности. Платформа вздрогнула, из сопла вырвался короткий, ослепительно-белый язык плазмы, и небольшой кусок базальта, подставленный под струю, раскололся пополам с негромким хрустом. Края среза застекленели. Я выключил резак и удовлетворённо кивнул. Работает.

Сборы заняли два часа. Скафандр, прошедший полную диагностику. Перчатки, запасные перчатки. Шлем с дополнительным фонарём — основное освещение даст прожектор на каске, но я научен горьким опытом: свет на Марсе умирает быстро, тени здесь гуще, чем на Земле. За спиной — ранец системы жизнеобеспечения. На поясе — инструменты, мощный напольный фонарь, запас кислорода на случай разгерметизации. Кабель-трасса — большой моток оптоволоконного кабеля с медной жилой для подачи питания — ждал у входа. Я должен был тянуть его за собой, шаг за шагом, чтобы оставить в туннеле пуповину, связывающую меня с кораблём, с реактором, с Землёй.

Когда гермошлем с тихим щелчком встал на место, и автоматика доложила о герметичности, я на мгновение замер. В висках стучало. Где-то на границе слышимости шумела подача кислорода. Я посмотрел на свои руки в толстых перчатках, сжал и разжал пальцы. Всё работало. Всё было готово. Я не был готов.

Внешний люк отошёл в сторону. Марс ворвался в шлюзо-

вую камеру холодом и светом — тем странным, пыльным, коричневато-розовым светом, к которому я так и не привык. Я ступил на поверхность, и ноги привычно захрустели по реголиту. Впереди, в ста метрах, чернел провал.

За те дни, что я провёл возле модуля, туннель нисколько не изменился, но мой взгляд изменился точно. Теперь я смотрел на него не как на чудо, а как на задачу. Высота свода у входа — около десяти метров, я измерил лазерным дальномером. Края — оплавленные, волокнистые, словно застывшая патока. Уклон пола — минимальный, первые метры уходили вглубь под углом не более пяти градусов. Грунт у входа был усеян мелкими обломками, но дальше, насколько хватало луча фонаря, пол казался ровным, почти гладким, как если бы лава, уходя, вылизала камень до зеркального блеска.

Я подошёл к самому краю. Луч фонаря упёрся в стену тьмы и рассыпался, выхватив лишь первые метры. Дальше — ничего. Абсолютный, бездонный мрак. Я постоял минуту, давая глазам привыкнуть и заставляя сердце биться ровнее, а затем шагнул внутрь.

Температура упала сразу. Скафандр зафиксировал минус сорок по Цельсию — поверхность давно остыла, но в глубине, возможно, было чуть теплее. Звук шагов изменился: хруст реголита сменился глухим, гулким эхом, отдававшимся где-то далеко впереди. Я почувствовал, как внутри всё сжимается, но продолжал идти, разматывая за собой кабель. Каждые несколько метров я останавливался и закреплял его

на стене распорными дюбелями: один неверный шаг, одна трещина, и связь с поверхностью может оборваться. Я не хотел остаться здесь без света и связи.

Стены туннеля вблизи оказались не такими гладкими, как виделось с орбиты. Базальт был испещрён трещинами, пузырями, наплывами застывшей лавы. Местами свод нависал тяжёлыми, оплавленными каплями, похожими на застывших каменных осьминогов. Луч фонаря выхватывал детали: борозды, оставленные потоком, блестящие вкрапления оливина, чёрные зеркала вулканического стекла. Геологическая летопись, которой миллиарды лет, — и я был первым человеком, кто её читал.

Метров через пятьдесят я остановился. Именно здесь, по расчётам инженеров, начинался участок, пригодный для размещения первых модулей будущей базы. Свод здесь поднимался выше, пол был ровнее, а естественная защита от радиации достигала почти двадцати метров базальта в самой тонкой точке. Я включил лидар. Лазерный луч заметался по стенам, строя трёхмерную карту. Цифры побежали по дисплею на рукаве: ширина прохода — восемнадцать метров, высота — двенадцать, уклон — два процента. Почти идеально.

Я медленно обвёл фонарём пространство. Тишина здесь стояла такая глубокая, что я слышал собственное дыхание, усиленное динамиками шлема, слышал, как бьётся сердце, как тихо жужжат сервоприводы скафандра. Никаких посторонних звуков. Никакой жизни. И всё же что-то в этой ти-

шине было не угрожающим, а, скорее, торжественным. Как в соборе.

Я оставил кабель у входа в будущую базу, закрепил последний фиксатор на стене и медленно пошёл обратно. Свет за спиной теперь шёл от реактора — слабое зарево на фоне пыльного неба, маяк, ведущий домой. У выхода я обернулся. Туннель молчал. Он был пуст, холоден и совершенно равнодушен к моему присутствию. И именно это равнодушие казалось мне самым обнадёживающим знаком. Планета не сопротивлялась. Она просто ждала.

Через час, сняв скафандр и загрузив в базу данных «Горна» телеметрию с картой туннеля, я сидел в кресле пилота и пил тёплую воду из регенерированного запаса.

Но главная работа ещё не начиналась. Прежде чем монтировать буровую платформу, прежде чем закладывать фундамент постоянной базы, я должен был знать, что скрывается дальше. Радарные снимки с орбиты давали лишь общий контур: основная труба уходила на юго-восток, но разрешение не позволяло разглядеть детали. Я подозревал, что туннель не одинок — лавовые потоки редко бывают прямыми, они ветвятся, петляют, создают камеры и залы. Карта, которую я составил с помощью лидара в первый день, обрывалась ровно там, где кончался свет. Дальше лежала неизвестность.

На шестой день после запуска реактора я решился на полную разведку. Упаковал ранец с дополнительным запасом кислорода, взял портативный лидар, биосканер, два аккуму-

лятора, ручной лазер. Плазменный резак остался у входа: для разведки он не требовался, а тащить с собой лишние полтораста килограммов марсианского веса было бы глупо. Я шёл налегке, насколько это слово вообще применимо в условиях марсианской гравитации.

Утро по Екатеринбургу давно миновало, когда я в очередной раз шагнул под базальтовые своды. Светодиодный прожектор проводил меня до конца освоенной зоны. Дальше начинался мрак, перед которым даже лучик налобного фонаря казался жалкой щепкой, брошенной в колодец. Я задержался на границе света и тьмы, переводя дыхание. На дисплее шлема бежали столбцы данных: кислород — девяносто четыре процента, температура наружной среды — минус тридцать восемь, пульс — восемьдесят два. Последняя цифра была лишней, но я не стал её убирать с экрана. Пусть будет. Иногда полезно знать, что ты всё ещё жив.

Шаг. Ещё шаг. Свет за спиной начал сжиматься, пока не превратился в крошечную белую точку, висящую где-то на границе периферийного зрения. Я включил дополнительный прожектор, и луч упёрся в стену метрах в двадцати впереди. Стена была неровной, оплавленной, покрытой глубокими горизонтальными бороздами — следами течения, которое когда-то кипело здесь, пробивая путь сквозь толщу породы. Я подошёл ближе и коснулся перчаткой поверхности. Холод. Абсолютный, космический холод, не знавший тепла уже несколько миллиардов лет.

Туннель поворачивал. Плавно, почти незаметно, он забирал влево и вниз, уклон увеличивался. Я разматывал катушку медленно, методично закрепляя магнитные фиксаторы через каждые десять метров. Оптоволокно тянулось за мной серебристой нитью, и где-то наверху, в жилом модуле, данные о моём местоположении, пульсе и расходе кислорода обновлялись каждую секунду. Если я упаду, если треснет шлем, если откажет подача воздуха — никто об этом не узнает. Я гнал эту мысль прочь, но она возвращалась каждый раз, когда под ногами хрустел особенно крупный обломок.

Через сто метров я обнаружил первую развилку.

Это было не просто боковое ответвление — туннель расходился надвое, словно бронхи огромного каменного лёгкого. Один ход уходил вверх, под углом градусов пятнадцать, другой — вниз, круче, в самую толщу коры. Я встал на перекрёстке и медленно обвёл оба лучами фонарей. Диаметр каждого из них был немногим меньше основного ствола — метров восемь, не меньше. Пол здесь был усыпан обломками, но не острыми, как можно было ожидать, а сглаженными, словно галька на морском берегу. Лава, отступая, успела обкатать их, превратив в подобие мрачных, чёрных бусин.

Я выбрал правый ход — тот, что вёл вниз, — и осторожно двинулся дальше. Через каждые несколько метров я останавливался и запускал сканирование лидаром. Лазерный луч метался по стенам, выстраивая трёхмерную сетку координат, и на дисплее планшета медленно проступала карта. Она бы-

ла невероятной. Разветвлённая система ходов расходилась от основной трубы, словно корневая система какого-то исполинского дерева. Каждое ответвление уходило на десятки, может быть, сотни метров вглубь — лидар показывал лишь то, что попадало в зону прямой видимости, но геометрия подсказывала: дальше, во тьме, скрываются новые и новые камеры, новые коридоры, галереи, провалы.

Я шёл уже больше часа. Пора было возвращаться, но сначала я решил заглянуть в последнюю камеру, которую нащупал лидаром в тридцати метрах впереди.

Узкий проход, метра три в поперечнике, был перекрыт. Не камнем — в этом я убедился, подойдя ближе и включив дополнительную подсветку. Свод и стены сходились на конус, и в самой горловине тускло поблёскивала плёнка. Она была полупрозрачной, сложно структурированной: под лучом прожектора в ней проступили слои, похожие на слюду, пронизанные тонкими, едва заметно пульсирующими прожилками. В толще мембраны угадывались включения — возможно, минеральные зёрна, возможно, какие-то органические конкреции. Края плёнки плавно переходили в базальт, словно она не крепилась к камню, а врастала в него.

Датчики показали перепад давления: по эту сторону — около 20 миллибар, как и во всем пройденном туннеле, по ту — 155 миллибар и стабильный встречный ток тёплого воздуха, насыщенного сероводородом и водяным паром. Мембрана держала градиент. Живой клапан.

Я подошел ближе, рассматривая структуру. Сомнений не оставалось: передо мной была биоплёнка — точнее, многослойный композит из нескольких симбиотических организмов. Внешний слой, обращённый ко мне, напоминал цианобактериальный мат, но без фотосинтетических пигментов. Глубже угадывались нити актинобактерий, армирующие матрикс, и ещё какие-то клеточные элементы, заполнявшие пустоты. Вся конструкция была пронизана капиллярами, по которым сочился конденсат. Мембрана дышала, потребляла газы и, вероятно, строила саму себя десятилетиями, если не дольше.

— Шлюз, — пробормотал я.

Нужно было пройти. Но не хотелось разрушать такое... сооружение? организм? Однако разведка требовала продолжения, а искать обходной путь значило потерять время.

У меня был ручной лазер, резать базальт он, разумеется, не мог. Но органическую плёнку, даже армированную минералами, — вполне.

Я активировал лазер, выставил минимальную мощность и навёл луч на край мембраны, там, где она крепилась к стене. Вспыхнула оранжевая точка — органика мгновенно обуглилась, пошла тонкая струйка пара. Я медленно, миллиметр за миллиметром, повёл луч вдоль периметра, вырезая клапан достаточного размера. Мембрана поддавалась с неожиданным сопротивлением: её внешние слои плавились и съёживались, обнажая более глубокий, почти хрящевидный мат-

рикс. Пришлось увеличить мощность на треть и задержаться на особенно плотных участках, где в матрикс были вкраплены кристаллики какого-то сульфида.

Через четыре минуты непрерывной работы я вырезал отверстие диаметром около метра. Края его оплывали, но не кровоточили — вместо этого из повреждённых слоёв сочилась густая, медленно твердеющая слизь. Уже через минуту она застыла, образовав подобие механического шва. Мембрана пыталась залечить рану. И, судя по скорости полимеризации, через несколько часов здесь была бы свежая заплата.

Сразу за первой мембраной туннель расширялся, образуя небольшую промежуточную камеру. Давление здесь было выше — 158 миллибар, температура плюс двадцать, влажность под сто процентов. Стены и потолок, по данным биосканера, покрывала светящаяся голубым органика, похожая на плесень. И я заметил ещё две мембраны, закрывавшие боковые ответвления. Те были тоньше, почти прозрачные.

Камеры явно служили распределительными узлами — биологическими шлюзовыми отсеками, регулирующими потоки тепла и газов между разными частями системы. Я пометил их на карте и пошел дальше, туда, где туннель снова сужался.

Вторая мембрана встретила меня через пятьдесят метров. Она оказалась толще и гораздо старше. Здесь уже преобладали минеральные наслоения: карбонатный каркас, пропитан-

ный органикой, образовывал подобие каменной сетки. Лазер пришлось выставить на максимум и работать импульсами по две секунды. Мембрана искрила, вспучивалась, извергала микроскопические фонтаны перегретого пара. После каждого прожига я делал паузу, замеряя квантовый фон — его здесь, к счастью, не возникало, лазерное излучение с органической матрицей таких эффектов не давало.

Давление здесь было еще выше — 240 миллибар, температура плюс двадцать пять, влажность под сто процентов.

Третья мембрана оказалась самой интересной. Она не была сплошной: в её центре имелось естественное отверстие — своего рода клапан, способный раскрываться и закрываться в такт медленным, ритмичным сокращениям. Вокруг отверстия располагались мышечные волокна. Настоящий сфинктер. Я представил, как здесь, в полной темноте, эта конструкция столетиями открывается и закрывается, пропуская потоки газа.

Мое появление вызвало реакцию — сфинктер сжался, датчики зафиксировали мощный химический выброс. Вероятно, сигнал тревоги.

Разрушать его не хотелось, и, к счастью, не пришлось. Боковое ответвление, полузаросшее, но проходимое, вело в обход — и именно туда, откуда тянуло самым горячим воздухом.

Я шагнул внутрь и замер.

Это был зал. Огромный, судя по тому, как долго эхо моих

шагов металось где-то вверху и возвращалось обратно.

Стены также покрывала светящаяся органика, я назвал ее – биолюминесцентный ковер.

Луч прожектора не доставал до противоположной стены — лишь смутный намёк на колоннады застывшей лавы, на свисающие со свода сталактиты, на ровный, почти полированный пол. Я достал лидар и запустил круговое сканирование. Секунды тянулись, как минуты, пока на экране не проступили контуры. Зал был около сорока метров в поперечнике и уходил ввысь на добрых двадцать метров. От него расходились ещё четыре ответвления — как минимум. Я стоял в центре подземной транспортной развязки, созданной не человеком, а геологией. И всё это — в сотнях метров под поверхностью, под толщей базальта, которая надёжно экранировала космическую радиацию.

Я медленно опустился на одно колено, упёрся рукой в пол и просто дышал. Сердце колотилось где-то в горле, но это был не страх. Это был восторг — тот самый, который испытываешь, когда понимаешь, что мир устроен сложнее и грандиознее, чем ты мог вообразить. Размеры системы превосходили все предположения. Сотни метров, возможно, километры ходов. Достаточно, чтобы разместить не временный лагерь, а настоящий город. Подземный, защищённый, скрытый от глаз и от радиации. Готовый фундамент для колонии, о которой на Земле только писали в смелых научных статьях.

Я дал себе ещё минуту, а затем развернулся и пошёл об-

ратно.

Оглядываясь назад — теперь уже мысленно, — я понимал: мембраны не были препятствием. Они были границей. И, сам того не зная, я перешагнул дверь в подземном мире, который с каждым метром становился всё сложнее, всё непонятнее и всё откровеннее живым.

Обратный путь занял почти столько же времени, но дался легче: теперь я шёл на свет. Когда я наконец вышел из туннеля и увидел ржавый горизонт, подсвеченный закатным солнцем, мне показалось, что я вернулся из другого мира.

В жилом модуле ВПК «Горн» я снял скафандр и долго стоял, прислонившись лбом к холодной переборке. На планшете медленно вращалась трёхмерная карта — паутина ходов, уходящих вглубь коры. Я отправил её ИИ «Горна» вместе с коротким комментарием: «Масштаб системы превосходит прогнозы. Пригодна для строительства постоянной базы».

Лабиринт, уходивший вниз на первой развилке, насчитывал как минимум четыре крупных ответвления, и каждое из них, судя по данным лидара, тянулось на сотни метров, а возможно, и на километры.

Время по Екатеринбургу перевалило за полдень, когда я вновь вышел из жилого модуля.

Путь предстоял неблизкий. Я выбрал самое многообещающее ответвление — то, что уходило круто вниз, под углом почти двадцать градусов. Именно там, во время первой разведки, я нашел биопленки и большую полость с высокой

влажностью, температурой и биолюминесцентный ковёр на стенах и потолке. Что скрывалось еще дальше — я мог только гадать.

Луч прожектора метался по стенам, выхватывая знакомые уже оплавленные наплывы, трещины, блёстки оливина. Затем туннель с уже заросшими мембранами и теплыми камерами, которые пришлось вновь взрезать. Потом ранее обнаруженная огромная полость с четырьмя ответвлениями, я выбрал левое, которое круто уходило вниз.

На отметке в 1,5 километра ниже базы, туннель перестал быть хаотичным. Ещё сто метров, очередная мембрана — и туннель кончился. Я вышел в пространство, которое не укладывалось в голове.

Передо мной, насколько хватало взгляда, простиралась вода.

Гладкая, спокойная, слегка парящая. Береговая линия терялась в темноте несмотря на биолюминесцентный ковёр на полу и стенах, но включенный лидар упорно рисовал контуры, и они не замыкались. По предварительным подсчётам, длина озера превышала полтора километра, ширина — не меньше километра. Площадь — более полутора квадратных километров. И это на глубине полутора километров от поверхности равнины Эллада, под толщей базальта, которая надёжно прятала этот мир от космических лучей и марсианских бурь.

Температура воды, по данным термодатчиков, составля-

ла плюс двадцать семь градусов по Цельсию. В глубине, насколько мог проникнуть инфракрасный сенсор, она поднималась ещё выше — до тридцати двух, возможно, тридцати трёх. Озеро подогревалось снизу, от мощного геотермального очага, и эта энергия питала не только воду. Питала жизнь.

Свечение в воде я заметил не сразу — сначала принял его за блики собственного прожектора на мелкой ряби. Но когда опустился ниже, к самой поверхности, сомнений не осталось: озеро мерцало. Тонкие, голубовато-зелёные нити колыхались в толще воды, образуя целые поля подводной растительности. Биолюминесценция мягко пульсировала, словно озеро дышало. У берега, где глубина была меньше, я разглядел дно, затянутое слизистым матом, из которого росли пряди длиной до нескольких метров. Дальше, на глубине, свечение становилось гуще, создавая иллюзию подводного города, освещённого призрачными огнями.

Я не мог оторвать взгляд. Подземная экосистема, изолированная от поверхности на полтора километра вглубь коры, существующая за счёт хемосинтеза, геотермального тепла и, возможно, каких-то ещё источников энергии, о которых наука даже не подозревала. Ни один зонд, ни один орбитальный радар не мог заглянуть так глубоко. Лавовый туннель оказался не просто убежищем от радиации — он стал дверью в совершенно новый, неизвестный мир.

Я начал детальное картирование. Взятый с сбой малый исследовательский дрон методично облетел озеро по периметр-

ру, записывая спектральные характеристики свечения, беря пробы газа над поверхностью — в составе преобладал азот, но были и следы метана, и сероводород, и ещё какие-то соединения, которые требовали анализа. Магнитометр зафиксировал слабое, но стабильное магнитное поле, возможно, связанное с геотермальной активностью. Температура воды оставалась стабильной по всей площади, что указывало на колоссальную ёмкость подземного резервуара. Глубина в центре озера достигала почти десяти метров. Именно здесь, судя по плотности биолюминесценции, находился основной источник жизни. Светящиеся нити не просто плавали в воде — они образовывали толстый, многослойный светящийся мат, который покрывал дно сплошным ковром. Кое-где этот мат отрывался и всплывал к поверхности, создавая причудливые, медленно вращающиеся фигуры.

Я начал заносить отчет в планшет, в отчёте было всё: координаты озера, размеры, химический анализ, спектрограммы, видео. Я перечитал его дважды, внося правки, убирая лишние эмоции, оставляя только факты. В конце, поколебавшись, добавил: «Обнаружена стабильная подземная экосистема. Площадь — более полутора квадратных километров. Глубина от поверхности — полтора километра. Температура воды — плюс двадцать семь градусов. Зафиксирована биолюминесценция. Необходим протокол биологической изоляции». И, не удержавшись, приписал: «Это невозможно описать. Здесь целое море. Живое».

То, что ещё вчера было гипотезой, предметом споров и научных статей, сегодня стало фактом. Марс не был мёртв. Он просто прятал свою жизнь очень глубоко, терпеливо ожидая тех, кто сумеет до неё докопаться.

Теперь предстояло взять пробы с помощью дрона.

Я установил на него манипулятор — лёгкую, но точную механическую руку с тремя степенями свободы, способную захватывать и герметизировать небольшие контейнеры. Сами контейнеры — четыре штуки, стерильные, с буферным раствором и автономными датчиками pH и температуры — крепились на нижнюю платформу вместе с катушкой прочной лески для взятия проб с глубины. Протокол биологической изоляции, разработанный на Земле, требовал тройного резервирования: ни один образец не должен контактировать с внешней средой дольше необходимого и ни один контейнер не должен быть открыт вне герметичного бокса.

Я проверил манипулятор на холостом ходу. Механика работала плавно, захваты смыкались с тихим щелчком. Затем протестировал контейнеры — каждый был пронумерован и промаркирован. Проба один: вода с поверхности озера. Проба два: вода с небольшой глубины. Проба три: фрагмент биолюминесцентного мата. Проба четыре: вода с глубины ближе ко дну.

Дрон снова ушёл в темноту. Я наблюдал за манипулятором через камеру, затаив дыхание. Механическая рука медленно опустилась к воде, погрузила контейнер и набрала пер-

вые миллилитры. Контейнер номер один с тихим щелчком запечатался. Затем дрон сместился к центру озера, где глубина была максимальной, и повторил процедуру на разных глубинах. Проба два и три. Потом — к краю, где колыхались длинные светящиеся пряди. Манипулятор аккуратно, словно хирургический пинцет, отделил небольшой фрагмент мата и убрал его в четвертый контейнер.

Обратный путь до ВПК «Горн» занял три часа. Перенос контейнеров занял двадцать минут. Каждый я протирал спиртовой салфеткой, затем помещал в шлюз бокса лаборатории, облучал ультрафиолетом и только потом вносил внутрь. Когда все четыре оказались на месте, я впервые за долгое время выдохнул по-настоящему.

Анализ начался немедленно.

Первый же контейнер — поверхностная вода — показал то, чего я ожидал, но от чего всё равно захватило дух. Под микроскопом, в капле воды, колыхалась жизнь. Не просто нитевидные водоросли — мелкие, подвижные организмы, похожие на инфузории, но с иной, явно чуждой морфологией. У них не было привычных ресничек, вместо этого — гибкие мембранные выросты, которые волнообразно сокращались, толкая организм вперёд. Я записал видео, сделал несколько снимков с разным увеличением и отправил на «Горн», снабдив коротким комментарием: «Подвижные формы. Вероятно, аналоги простейших. Морфология отлична от земной».

Второй контейнер дал ещё более любопытную картину. В глубинной воде, помимо мелких организмов, обнаружились структуры, напоминающие споры — плотные, многокамерные, с толстой оболочкой. Они не двигались, но под ультрафиолетом слабо флюоресцировали, что указывало на наличие внутри активных биохимических процессов. Я осторожно ввёл микроиглу и взял пробу содержимого. Химический экспресс-анализатор, занимавший полстола, выдал результат через десять минут: смесь аминокислот, но не совсем таких, как в земных белках. Некоторые совпадали — глицин, аланин. Другие были полными аналогами, но с изменённой хиральностью. Третьи вообще не имели соответствий в каталоге.

Я сидел перед микроскопом, чувствуя, как в висках стучит. Лёд тронулся. Химия жизни здесь, на Марсе, была не просто иной — она была узнаваемо иной. Достаточно земной, чтобы исключить случайность, и достаточно чужой, чтобы исключить заражение с наших зондов. Это была своя, марсианская биохимия, основанная на тех же базовых элементах, но развивавшаяся независимо — или имевшая общий корень в далёком прошлом, когда планеты обменивались веществом через метеориты. Панспермия из абстрактной гипотезы превращалась в предмет лабораторного изучения.

Третий контейнер — фрагмент биолюминесцентного мата — я разбирал несколько часов. Под микроскопом откры-

лась сложнейшая архитектура: нити водорослей переплетались с бактериоподобными клетками, образуя симбиотический комплекс, очень похожий на земные цианобактериальные маты. Свет испускали особые органеллы внутри нитей — реакция шла с участием сероводорода и какого-то кофактора, который я пока не мог идентифицировать.

Еще в световом микроскопе высокого разрешения в нитях водорослей я обнаружил странные «кристаллические» структуры в цитоплазме, предположительно местные вирионы.

Тогда я направил на «кристаллы» луч УФ-диода. Обычные вирионы либо тускнеют, либо флюоресцируют хаотично. Эти же ответили ровным, глубоким синим светом — в точности такой же длины волны, как у биолюминесценции самой водоросли. Они были не просто встроены в клетку. Они были её частью. Или она — их частью.

И приятным сюрпризом стало то, что свечение сохранилось и внутри контейнера. Крошечный фрагмент мата продолжал пульсировать голубоватым на лабораторном столе, словно отказывался умирать.

Кроме мата, я прихватил с собой крошечный фрагмент первой мембраны — той самой, что держала градиент. Под микроскопом она оказалась ещё сложнее, чем виделось в туннеле. Три слоя: внешний — плотный, как хитин, пронизанный порами; средний — губчатый, с пульсирующими органеллами, которые гнали сероводород внутрь, а углекислый

газ наружу; внутренний — рыхлый, насыщенный капиллярами с водой. Армирующие нити актинобактерий придавали ей прочность хряща, а вода в капиллярах создавала гидростатический натяг, не давая пузырю вывернуться. Это был не просто фильтр — это был биологический шлюз, живой насос, миллиарды лет эволюции которого ушли на то, чтобы удержать подземный мир в целости.

К полудню я решил переключиться на четвертый контейнер — тот, где хранилась проба воды с большей глубины, ближе к донному мату. Именно в ней газоанализатор дрона зафиксировал повышенную концентрацию органических молекул. Я отобрал каплю, перенёс на предметное стекло, накрыл покровным и осторожно, будто боясь спугнуть, подвёл под объектив.

Первые секунды — ничего нового. Те же нити, те же простейшие, может, чуть больше спор. Я уже хотел сменить поле зрения, как вдруг заметил движение, не похожее на всё, что видел до сих пор.

Оно было крупнее. Гораздо крупнее. Если простейшие измерялись десятками микрон, то это существо имело длину почти в 1 миллиметр — целый гигант по меркам микромира. Оно двигалось не хаотично, а плавно, скользя между нитями водорослей, словно угорь в зарослях травы. Тело было вытянутым, уплощённым, с едва заметной сегментацией по краям. На переднем конце угадывалось утолщение — возможно, примитивная голова. При большем увеличении я разгля-

дел два крошечных пятнышка, которые при попадании света чуть темнели. Светочувствительные органеллы. Глаза? Нет, слишком громко. Но что-то очень близкое по функции.

Я затаил дыхание. Руки, лежавшие на столе, вдруг стали чужими, непослушными. Я боялся пошевелиться, чтобы не сбить фокус. Существо тем временем продолжало своё неторопливое путешествие через микроландшафт. Оно огибало нити, иногда касалось их передним концом, словно пробуя на вкус, и двигалось дальше. В какой-то момент луч микроскопа скользнул прямо по его телу, и я увидел, как под полупрозрачной оболочкой ритмично сокращаются волокна — настоящие мышцы. Не мембранные выросты, не амёбоидное движение, а организованная мускулатура.

Я откинулся назад, вытер вспотевший лоб и заставил себя сделать несколько глубоких вдохов. Мысли неслись галопом. Многоклеточный организм. Не колония клеток, а целостное существо с дифференцированными тканями. С мышцами. С примитивной нервной системой — потому что такое движение невозможно без координации. С фоторецепторами. Это был уже не микроб. Это было животное.

Я снова приник к окуляру и провёл следующие два часа, не отрываясь. Записал видео, сделал серию снимков с разной глубиной резкости, чтобы потом собрать трёхмерную модель. Существо вело себя спокойно, словно не замечало наблюдателя. Оно методично обследовало участок за участком, иногда замирая на несколько секунд — возможно, от-

дыхая или анализируя химические сигналы. Один раз оно наткнулось на скопление бактерий, и передний конец его тела пришёл в движение: крошечное ротовое отверстие расширилось, втягивая добычу. Я разглядел, как внутри тела перекатывается пищевой комок — примитивная пищеварительная система.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы собраться и начать запись в журнале. Руки дрожали, и первые строки вышли кривыми, но я не стал их исправлять. «Проба четыре, — писал я, — вода из глубины озера. Обнаружен многоклеточный организм. Предположительно — первое марсианское животное. Длина около 1 мм, тело уплощённое, движение с использованием мышечных волокон. На переднем конце — фоторецепторы и ротовое отверстие. Питается бактериями. Демонстрирует целенаправленное поисковое поведение. Таксономическая принадлежность неясна. Земных аналогов нет».

Я отправил отчёт ИИ, приложив видео и снимки. Я не мог усидеть на месте. Каждый раз, когда взгляд падал на микроскоп, меня охватывало иррациональное желание снова заглянуть в окуляр — убедиться, что существо всё ещё там, что оно мне не привиделось.

К ночи я был вымотан до предела, но спать не мог. Слишком многое требовалось осмыслить. Я сидел в кресле, глядя на светящийся контейнер, и мысленно прокручивал цепочку: подземное озеро на полуторакилометровой глубине, гид-

ротермальная система, питающая озеро, биолюминесценция по всей протяжённости, процветающая экосистема, в которой есть место и простейшим, и водорослям, и бактериям, и ещё неизвестно чему. Марс не просто был живым миллиарды лет назад. Он был живым сейчас. И эта жизнь, прятавшаяся под корой, была сложнее и разнообразнее, чем кто-либо мог предположить.

Терминал пискнул. Сообщение от ИИ было коротким и, как всегда в таких случаях, начиналось с сухого подтверждения приёма. Но дальше шли слова, которые заставили меня сесть. «Анализ подтверждает: структура многоклеточная, дифференциация тканей высокая. Вероятно — новый тип животного царства, эндемичный для Марса. Срочно подготовьте протокол карантина для макроорганизмов. Никаких прямых контактов».

Я подошёл к герметичному боксу и долго смотрел на контейнер номер четыре. Внутри, невидимый невооружённым глазом, скользил по водной толще маленький, уплощённый организм с примитивными глазами и зачатками нервной системы. Он не знал, что за ним наблюдают. Не знал, что его мир — тёплое подземное озеро на глубине полутора километров от поверхности Марса — скоро станет известен миллиардам людей. Не знал, что он — будущий герой новостей. Он просто продолжал своё медленное, грациозное движение сквозь заросли светящихся водорослей, как делал это миллионы лет до моего появления и, возможно, будет делать мил-

лионы лет после того, как меня здесь не станет.

Я выключил верхний свет, оставив только подсветку микроскопа и слабое сияние гидропонных ламп. Сел в кресло и накрыл глаза ладонью. Перед внутренним взором всё ещё плыли картины: червь, скользящий между нитями; мышцы, сокращающиеся под прозрачной оболочкой; тёмные пятнышки фоторецепторов, реагирующие на луч. И вместе с ними пришла мысль, от которой мурашки побежали по спине: если на глубине полутора километров существует такая сложная жизнь, то что ещё прячется там, куда я ещё не дошел? Что скрывается в тех дальних ответвлениях, где температура выше, где вода бьёт из недр перегретым ключом, где биолюминесцентный ковёр покрывает стены сплошным слоем? Может быть, там есть организмы крупнее? Может быть, гораздо крупнее?

Я поднялся, размял затёкшие плечи, заварил себе порцию тёплой воды с остатками земного чая — берёг на особый случай. Потом снова сел к микроскопу и принялся искать вторую особь, как просил ИИ. Вода в контейнере была населена куда плотнее, чем я думал. Уже через полчаса я нашёл ещё одного червя — поменьше, возможно, молодую особь. А рядом с ним — третьего, совсем крошечного, едва заметного. Они двигались в разных направлениях, но время от времени пересекались и, казалось, обменивались какими-то химическими сигналами — во всяком случае, после каждой встречи их траектории менялись.

Популяция. Точно популяция.

Я записал наблюдения и отправил второй отчёт за день. Потом откинулся в кресле и позволил себе просто посидеть, глядя на потолок. Завтра предстояло решить, как продолжать. Дрон ещё не исчерпал свои возможности, и новые ответвления ждали разведки. Нужно было спускаться глубже, искать продолжение гидротермальной системы, может быть, даже пробурить шурф к самому озеру. Но сегодня я дал себе слово ничего не планировать. Сегодня я просто смотрел, как в капле марсианской воды, внутри пластикового контейнера, живёт своей маленькой жизнью первый известный человеку обитатель Красной планеты — существо без названия, без классификации, без прошлого в нашей науке, но с миллиардами лет эволюции за плечами.

И мне казалось, что я слышу, как Марс, древний и терпеливый, чуть заметно улыбается в своей базальтовой колыбели.

После обнаружения червя я двое суток почти не отходил от микроскопа. Каталогизировал, снимал, отправлял отчёты. ИИ требовал всё больше данных, и я понимал: то, что мы нашли, — лишь верхний слой. Буквально. Пробы были взяты с поверхности озера и из толщи воды. Но что скрывается на дне? Камера дрона во время первых облётов зафиксировала лишь смутные очертания под слоем биолюминесцентного мата. Теперь, когда я знал, что в озере живут многоклеточные, вопрос «что там, внизу?» превратился из научного

любопытства в императив.

Дрон, уже не раз выручавший меня, был готов к новой миссии. Я установил на него подводный модуль — герметичный бокс с камерой высокого разрешения, способной снимать при минимальном освещении, и двумя мощными прожекторами. Сам дрон оставался на поверхности воды, а камера на длинном, армированном оптоволоконном кабеле уходила в глубину. Конструкция напоминала рыбацкую удочку, только вместо крючка — объектив, а вместо поплавка — квадрокоптер, зависший над озером. Я протестировал систему в жилом отсеке, опустив в емкость с водой, и остался доволен. Теперь — настоящее погружение.

Утро по Екатеринбургу давно миновало, когда я вновь спустился к озеру и запустил дрона, управляя им через планшет. Дрон завис над центром озера — именно там, по данным лидара, глубина была максимальной. Я включил лебёдку, и камера медленно пошла вниз.

Первые метры — знакомая картина: голубовато-зелёное свечение, пряди водорослей, редкие инфузории, проносящиеся мимо объектива. На глубине двух метров я заметил более крупного червя — того самого, изученного под микроскопом. Он скользил в толще воды, волнообразно изгибаясь, и на мгновение попал в фокус. Я улыбнулся, словно встретил старого знакомого.

Глубже. Три метра. Четыре. Пять. Свет прожекторов выхватывал всё более плотные заросли. Водоросли здесь росли

гуще, их пряди сплетались в подобие подводного леса. Среди них сновали десятки мелких существ: те же черви, амёбоподобные организмы, какие-то новые, ещё не идентифицированные формы. Популяция была гораздо плотнее, чем у поверхности.

На глубине восьми метров камера достигла дна.

Я ожидал увидеть скалу, покрытую тонким слоем ила. Но то, что открылось перед объективом, не походило ни на одно геологическое образование. Дно было живым. Сплошной, многометровый ковёр из переплетённых нитей, пульсирующий медленными, ритмичными сокращениями. Биолюминесценция здесь достигала такой интенсивности, что прожекторы стали почти не нужны — дно светилось само, словно подводная луна. От мата вверх поднимались тонкие, светящиеся трубочки, и из них время от времени вырывались крошечные пузырьки газа — метана, если верить датчикам. Похоже здесь был гидротермальный источник, питавший озеро, под этим живым одеялом, его тепло поддерживало всю экосистему.

Я медленно повёл камеру вдоль дна. Ковёр колыхался, реагируя на движение воды. Кое-где виднелись проплешины, в которых угадывался тёмный базальт, но и он был покрыт тонкой биоплёнкой. Жизнь здесь занимала каждый доступный квадратный сантиметр. Я чувствовал себя так, словно заглянул в колыбель творения — место, где неживое становится живым, и этот процесс не прекращается ни на секунду.

Камера проплыла ещё несколько метров, и я заметил странное образование. Оно возвышалось над ковром — округлое, около 50 сантиметров в поперечнике, покрытое теми же светящимися нитями, которые его почти полностью маскировали. Сперва я принял его за валун, облепленный водорослями. Но что-то в его очертаниях показалось мне неправильным. Слишком симметричным. Слишком... организованным.

Я остановил лебёдку и дал увеличение.

«Валун» шевельнулся.

Волна адреналина прокатилась по телу. Я вцепился в планшет едва не коснувшись носом экрана. Камера транслировала картинку в реальном времени, и я видел, как округлый контур медленно, очень медленно приподнимается над ковром. Из-под него показались конечности — не толстые, не тонкие, а удивительно соразмерные, сегментированные, покрытые тем, что при большем увеличении оказалось хитиновым панцирем. Панцирь был матово-чёрным, кое-где тронутым зеленоватыми пятнами биолюминесцентных бактерий, но под этими пятнами угадывалась чёткая, геометрически выверенная структура: бугорки, гребни, сочленения.

Существо медленно, словно нехотя, выпростало из-под себя вторую пару конечностей. Я насчитал шесть ног — или, точнее, шесть ходильных конечностей, каждая из которых заканчивалась острым, чуть загнутым когтем. Передняя пара была мощнее остальных. На концах передних конечно-

стей располагались клешни. Настоящие клешни — две хитиновые створки, сейчас сомкнутые, но явно способные открываться и захватывать добычу. Они напоминали клешни земного рака или скорпиона, но пропорции были иными: более вытянутые, с внутренними зазубринами, которые просвечивали сквозь полупрозрачный хитин.

Я затаил дыхание. Существо полностью поднялось на ногах, и теперь его можно было разглядеть целиком. Тело состояло из двух отделов — головогруди и сегментированного брюшка, которое волочилось по дну, оставляя в биолюминесцентном ковре неглубокую борозду. Общая длина — около 50 сантиметров, может, чуть больше. Высота в самой высокой точке — сантиметров десять. Внешний скелет явно был твёрдым, минерализованным: на сгибах конечностей он образовывал характерные шарниры, а на спине нёс несколько рядов невысоких шипов, вероятно, для защиты.

Головной отдел заслуживал отдельного описания. Никаких видимых глаз — во всяком случае, ничего похожего на фасеточные глаза земных членистоногих. Вместо них — пара длинных, гибких антенн, которые существо держало перед собой, постоянно шевеля ими, словно сканируя пространство. Антенны были покрыты тончайшими волосками, каждый из которых, вероятно, улавливал химические сигналы, вибрацию, малейшие изменения температуры. Ротовое отверстие располагалось на нижней стороне головогруди — я заметил его, когда существо наклонилось ко дну. Вокруг

рта топорщились несколько пар щупиков, которыми оно, как я вскоре убедился, ощупывало пищу перед тем, как отправить в рот.

Я смотрел на это создание и чувствовал, как внутри меня рушится какая-то невидимая стена. До этого момента я имел дело с микроорганизмами. С червями размером в миллиметр. Всё это можно было осмыслить, уложить в голове, сравнить с земными аналогами. Но существо почти полуметровой длины, с внешним скелетом, с клешнями, с сегментированными конечностями — это был уже не микроб. Это был обитатель. Хозяин озера. Существо, которое эволюционировало здесь, в полной темноте, возможно на протяжении миллиардов лет, и достигло уровня сложности, сопоставимого с земными ракообразными. Хотя сравнивать было некорректно — ничего подобного на Земле не существовало.

Пока я размышлял, существо начало двигаться. Делало оно это неторопливо, но целенаправленно. Шесть ног перебирали по дну, переступая через пряди водорослей с осторожностью, которая выдавала определённый интеллект — или, как минимум, сложную сенсорную систему. Антенны постоянно находились в движении, описывая в воде широкие дуги. В какой-то момент существо остановилось, и его клешни пришли в действие.

Правая клешня раскрылась, изогнулась под странным углом и резко погрузилась в ковёр. Я увидел, как створки сомкнулись на чём-то, что отчаянно забилось. Когда клешня

поднялась, в ней был зажат один из крупных червей — тех самых, которых я изучал под микроскопом. Червь извивался, пытаясь освободиться, но зазубрины на внутренней стороне клешни держали его мёртвой хваткой. Существо поднесло добычу к ротовому отверстию, и я увидел, как щупики зашевелились, ощупывая червя со всех сторон. Затем челюсти — или то, что их заменяло, — пришли в движение, и червь исчез в ротовой полости.

Меня передёрнуло. Не от отвращения — от осознания. Я наблюдал охоту. Настоящую охоту, происходившую здесь, на дне марсианского озера, под полуторакилометровой толщей базальта. Хищник и жертва, всё как на Земле, но с одной колоссальной разницей: эта экосистема развивалась независимо от нашей на протяжении всей истории планеты. Это был другой мир. Вторая биосфера. И я, человек с Земли, был первым, кто её увидел.

Существо тем временем продолжило свой путь. Я следил за ним камерой, стараясь не упустить ни одной детали. Его походка была удивительно плавной для такого, казалось бы, громоздкого тела. Ноги двигались в сложной последовательности, которую я мысленно зафиксировал: сначала передняя левая и задняя правая, затем средняя правая и передняя левая — нечто среднее между иноходью и волной, не встречающееся у земных членистоногих. На твёрдом базальте, в проплешинах ковра, когти оставляли едва заметные царапины. На мягком мате — глубокие вмятины, которые медлен-

но, как губка, расправлялись после его ухода.

Пройдя несколько метров, существо снова остановилось. На этот раз его антенны зашевелились особенно активно, и оно повернуло головогрудь в сторону, которую я не мог видеть. Я развернул камеру.

Из темноты, медленно колыхая антеннами, появилось второе существо. Чуть меньше первого — сантиметров двадцать в длину, — но несомненно того же вида. Его клешни были менее массивными, а панцирь нёс меньше шипов, что наводило на мысль о половом диморфизме. Встреча произошла на открытом участке дна, свободном от водорослей. Оба существа замерли в нескольких сантиметрах друг от друга. Их антенны соприкоснулись, переплелись и замерли в таком положении на несколько секунд. Затем оба одновременно разошлись, словно обменявшись информацией, которую я никогда не смогу расшифровать.

Я понял: это не просто популяция. Это сообщество. Существа общаются друг с другом — пусть самым примитивным, тактильно-химическим способом, но общаются. Возможно, передают информацию о местонахождении пищи. Возможно, опознают друг друга. Возможно, у них есть социальная структура — иерархия, территориальное поведение, брачные ритуалы. Всё это предстояло выяснить, но уже сейчас было ясно: озеро — не хаотичное скопление организмов, а сложное, отлаженное сообщество, развивавшееся миллиарды лет в полной изоляции.

Я дал команду дрону на всплытие. Камера медленно пошла вверх, оставляя внизу существо, которое замерло, направив антенны в объектив — словно провожало. Я пересмотрел запись трижды.

На Марсе уже есть колония, тысяча двести человек, которые живут на поверхности, дышат искусственным воздухом и считают себя покорителями Марса. Они не знают, что настоящий Марс — не снаружи. Он внутри. Он ждал миллиарды лет, пока мы перестанем бояться темноты.

Я перестал. Я вошёл в эту темноту и нашёл там жизнь. Теперь моя задача — сделать так, чтобы эта жизнь не стала разменной монетой в корпоративных войнах.

Дрон доставил еще несколько проб, и в одной из них, взятой у самого дна, я обнаружил микроскопические фрагменты хитина — вероятно, остатки линьки существа. ИИ «Горна» требовал больше, хотел ткани, гемолимфу, нервные узлы. Хотел знать, как устроен этот организм. Но чтобы взять такие пробы, нужно было оказаться там лично. Не камерой, не манипулятором — руками.

На следующий день озеро снова лежало передо мной. Чёрная, гладкая поверхность, подёрнутая голубоватым свечением. Биолюминесцентные пряди колыхались в такт медленным, невидимым течениям. От воды поднимался лёгкий пар, и в этом паре, подсвеченном снизу, плясали призрачные сполохи.

Я опустился на колено и коснулся перчаткой воды. По-

верхность дрогнула, и от прикосновения разбежались круги, под которыми на мгновение ярче вспыхнули водоросли. Где-то на глубине, метрах в десяти, скользнула длинная тень — та, чьи клешни я видел на экране. Клешненосец, так я его назвал. Хозяин этих вод. Он не заметил меня или не счёл угрозой. Просто продолжал свой размеренный путь по дну, перебирая антеннами.

Я провёл на берегу час. Установил временные датчики температуры, давления, химического состава воды. Собрал пробы грунта. Укрепил край входа в каверну дополнительными анкерными болтами — на случай, если свод даст микротрещину. А потом просто стоял и смотрел.

Чувство было такое, словно я перешагнул порог другого мира — не в переносном, а в буквальном смысле. Позади, в тысячах метров наверх по туннелю, была моя база. Реактор, гидропоника, гамак, светодиоды. Здесь — тьма, вода, существа, не видевшие солнца никогда. И я, единственный человек, стоящий между этими двумя мирами.

Потом я развернулся и пошёл обратно на поверхность. В жилом модуле «Горна» я снял скафандр, повесил его на кронштейн и долго стоял, приходя в себя. Руки дрожали — то ли от усталости, то ли от перенапряжения, то ли от того благоговейного ужаса, который я испытал, коснувшись озёрной воды.

На планшете горела схема: туннель открыт, маршрут до озера проложен, каверна закартирована до последнего сан-

тиметра.

Я откинулся в кресле, закрыл глаза и позволил себе редкую роскошь — ни о чём не думать. Где-то внизу, под толщей базальта, светились водоросли, ползли по дну клешненосцы, и крошечные черви продолжали свой бесконечный танец в тёплой воде.

Пора было обживаться ближе. Береговой модуль я смонтировал за двое суток. Это была лёгкая герметичная полусфера из многослойного композита, поставленная прямо на базальтовую площадку в пяти метрах от уреза воды. Внутри разместились автономная система регенерации воздуха, стерильный бокс для проб, микроскоп, портативный секвенатор ДНК и холодильный шкаф для образцов. От модуля к основному туннелю тянулся длиннейшая кабель-трасса, соединявшая меня с реактором и связью. Я прозвал это место «Приозёрной». Официального названия не требовалось — хватало и рабочего.

Первые сутки ушли на обкатку систем. Я проверил герметичность, прогнал через фильтры остатки сероводорода и метана, запитал освещение. Затем, когда датчики подтвердили, что внутри можно находиться без скафандра, я позволил себе нечто, о чём мечтал с момента открытия озера: сесть в кресле перед панорамным иллюминатором и просто смотреть.

Вода колыхалась в такт медленным, неощутимым течениям. Биолюминесцентные пряди, подсвеченные изнутри, ри-

совали на поверхности замысловатые узоры. Дважды мимо проплывали силуэты клешненосцев — хитиновые тела, перебирающие клешнями. Один из них приблизился к самому берегу, и я разглядел, как его антенны ощупывают грунт в поисках червей. Сердце забилось чаще, но тревоги не было. Только восторг — тот самый, что испытываешь перед величием природы, до которого ещё не дотянулись человеческие руки.

Однако любоваться было мало. Я прибыл сюда не как турист. ИИ требовал проб — и не дистанционных, а взятых вручную, с возможностью выбора конкретных организмов и участков дна. Дрон собрал уже многое, но его манипуляторы были грубы. Для выделения нервных узлов клешненосца, для забора гемолимфы, для сбора живых, неповреждённых прядей излучающего мата нужны были руки. И я собирался эти руки приложить.

На второе утро, по Екатеринбургу выходило около одиннадцати, я облачился в скафандр высшей защиты. Проверил каждое уплотнение, каждый шов. Перчатки — особое внимание: тройной слой, усиленный нанокомпозитом, способный выдержать контакт с острым базальтом и агрессивной химией озера. Я знал: любая микротрещина — риск. Поэтому перед выходом протестировал их на избыточное давление. Датчики молчали. Герметичность полная.

С собой взял контейнеры для проб: шесть стерильных пробирок с буферным раствором, два герметичных садка

для более крупных организмов, пинцет с алмазным напылением и маленький пробоотборник — иглу, способную вобрать миллилитр гемолимфы, не разрушая ткань. На поясе закрепил лазер и дополнительный фонарь. Шлюз берегового модуля мягко выдохнул воздух, и я шагнул наружу.

На берегу температура держалась около двадцати пяти градусов, влажность — под девяносто. Стены каверны, подсвеченные прожекторами модуля, блестели от конденсата. Я медленно подошёл к воде и опустился на одно колено.

Первую пробу взял прямо у поверхности: просто погрузил пробирку и зачерпнул воду с колышущимися в ней инфузориями. Вторая — чуть глубже, из скопления светящихся нитей. Третья — донный ил, который зачерпнул длинной ложкой, стараясь не повредить ковёр. Всё шло гладко.

Затем настал черёд главной цели. Я знал, что у дальнего края каверны, где базальтовый выступ нависает над водой, клешненосцы охотно собираются на «пастбище» — там особенно плотно растут черви. Я двинулся вдоль берега, осторожно переступая через обломки. Под ногами хрустела многовековая пыль, смешанная с высохшими фрагментами биолюминесцентного мата. Луч фонаря выхватывал из тьмы то длинную антенну, торчащую из воды, то край хитинового панциря.

Нужный мне клешненосец обнаружился у самой кромки. Он был занят охотой — передние клешни ритмично погружались в ил и извлекали извивающихся червей. Я замер в

трёх метрах, стараясь не создавать вибраций. Затем медленно, плавно, как учили ещё на Земле, достал иглу с контейнером и начал приближаться.

Существо не замечало меня — или делало вид, что не замечает. Его антенны шевелились, ощупывая воду, но ни одна не указала в мою сторону. Я подвёл иглу к сочленению на задней конечности — там, где хитиновый панцирь был тоньше, и, по данным дрона, проходил гемолимфатический канал. Укол. Игла мягко вошла в ткань, поршень подался назад, и в контейнер устремилась густая, зеленоватая жидкость. Клешненосец вздрогнул, конечность дёрнулась, но он не бросился ни в атаку, ни в бегство. Только развернул антенны в мою сторону, словно прислушиваясь, и медленно, с достоинством отошёл глубже.

Я выдохнул, только когда расстояние между нами стало безопасным. Контейнер с гемолимфой перекочевал в набедренный контейнер. Теперь — последний забор: кусочек стенки каверны, где биоплёнка росла особенно плотно. Я развернулся, шагнул к ближайшей стене и вдруг почувствовал, как правая нога уходит в пустоту.

Обломок базальта, на вид монолитный, оказался лишь коркой, прикрывавшей неглубокую трещину. Я не упал — гравитация всё же мала, — но равновесие потерял и, пытаясь удержаться, инстинктивно опёрся рукой о стену. Хруст. Резкая боль в ладони. Я отдёрнул руку и увидел, как по внутренней стороне перчатки расползается тёмное пятно.

Разгерметизация.

Мозг сработал быстрее, чем я успел испугаться. Аварийный протокол: зажать, стабилизировать, немедленно вернуться в модуль. Я прижал повреждённое место к груди, чувствуя, как воздух каверны обжигает кожу сквозь разрыв, и быстрым шагом, насколько позволял грунт, двинулся обратно. Шлюз берегового модуля показался мне вратами рая. Я ввалился внутрь, дождался наддува, сорвал шлем и первым делом осмотрел руку.

Перчатка была разорвана на внутренней стороне ладони. Сам разрыв — около сантиметра, края неровные. Кожа под ним покраснела, но кровотечения не было — только несколько капель, смешанных с чем-то слизистым, зеленоватым. Слизистый осадок явно содержал фрагменты биолюминесцентного мата.

Первым делом — дезинфекция. Я стянул остатки перчатки, промыл ладонь спиртовым раствором, затем обработал йодом. Кожа саднила, но повреждение не выглядело глубоким. Обычная ссадина. Я заклеил её биогелем, который был в аптечке, и несколько минут сидел неподвижно, прислушиваясь к ощущениям. Ничего необычного. Ни жжения, ни онемения. Возможно, пронесло.

Я знал, что обязан отчитаться. Нарушение герметичности, пусть и без серьёзных последствий, — инцидент, который требует немедленного доклада. Я отправил короткое сообщение ИИ «Горна», описал обстоятельства, приложил

снимок обработанной раны и отдельно упомянул контакт с биолюминесцентным матом. «Вероятность заражения оцениваю, как низкую. Марсианские микроорганизмы не имеют коэволюционной совместимости с земной биохимией. Тем не менее, наблюдаю за состоянием». Ответ ИИ был предсказуем: краткое требование соблюдать карантин и ежечасно докладывать.

Я приступил к анализам. Гемолимфа клешненосца ушла в секвенатор. Культуры из поверхностной воды заняли несколько чашек Петри с питательной средой, имитирующей озёрную воду. О себе я почти забыл — пока через день, проснувшись после короткого, рваного сна, не заметил, что краснота с ладони исчезла полностью. И не только краснота. Я поднёс руку к лампе и замер.

Тыльная сторона ладони всегда несла небольшой, но заметный шрам — след неудачного падения с велосипеда в детстве, белая полоска длиной в два сантиметра. Я знал её, как знал бы линии на собственной ладони. Сейчас этой полоски не было. Кожа на её месте выглядела совершенно здоровой, ровной, без единого намёка на старую травму.

Холодок пробежал по спине. Я зажёг яркий свет и тщательно осмотрел обе руки. Мелкие порезы, полученные в жилом модуле, исчезли. Даже мозоли, натёртые инструментом за первые недели на Марсе, стали мягче и ровнее. Я попытался найти хоть один шрам — и не смог.

Тогда я сел к микроскопу и взял соскоб с места бывшей

раны. В поле зрения плыли клетки моего эпителия — обычные, безъядерные чешуйки. Но среди них попадались и другие — округлые, с крупным ядром и странными включениями, флюоресцировавшими в ультрафиолете. Включения пульсировали с частотой примерно раз в три секунды, в такт мерцанию биолюминесцентного мата, который всё ещё жил в чашке Петри на лабораторном столе.

Я откинулся в кресле. В голове стучала одна мысль: «Этого не может быть». Но это было. Клетки моей кожи несли чужеродные структуры.

Я углубился в анализ. Водоросль из биолюминесцентного мата оказалась не просто продуцентом. Её клетки кишели вирионами — теми самыми «кристаллическими» структурами, которые я заметил ещё в световой микроскоп. При электронной микроскопии они проявили классическую для ретровирусов икосаэдрическую упаковку, но с одной странностью: капсид был не сплошным, а пронизан каналами, через которые в цитоплазму выходили длинные РНК-нити.

Секвенирование показало: геном водоросли на 12% состоял из вирусных последовательностей. Ретровирус полностью интегрировался в её ДНК, став эндогенным. И именно он кодировал те самые мобильные элементы — ретротранспозоны с активной обратной транскриптазой. Вирус не убивал хозяйку. Он улучшал её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.